

Ше Цзе был сумасбродом — по крайней мере, так казалось со стороны. Его логика не поддавалась никакому объяснению. Когда ему в лицо заявили, что он мается дурью от безделья, Ше Цзе лишь расхохотался — искренне, во всё горло, будто услышал лучшую в мире шутку. Этот внезапный взрыв веселья не на шутку напугал бы другого, но Цянь Цзя лишь облегчённо перевёл дух.

«Похоже, слухам верить нельзя, — подумал Цянь Цзя. — По крайней мере, наследник Ше вовсе не такой капризный, каким его малюют. Душа у него нараспашку, и по пустякам он не цепляется».

Теперь он мог со спокойной душой и дальше выведывать для него столичные слухи. На том Цянь Цзя и порешил.

Но вернёмся к делу. Главным в праздник Чжунъюань, разумеется, была вовсе не баранина, а...

Возвращение усопших душ в родные пенаты.

Поминование предков — штука простая: сначала нужно позвать покойников домой, хорошенько их угостить, а после проводить обратно. Так, по крайней мере, рассуждал Ше Цзе, и в его собственной голове эта цепочка казалась безупречной.

И вот в его светлую макушку пришла очередная блажь.

Четверо близнецов — дюжие молодцы под два метра ростом — стоило наследнику произнести заветное: «У меня есть идея!», разом затрепетали, словно тростинки на ветру. В мыслях они уже обнимали свои могучие тела, ища друг у друга тепла и утешения.

Цянь Цзя посмотрел на них с глубоким презрением. Богатырское телосложение этих парней никак не вязалось с их трусостью.

Повернувшись к наследнику, лекарь угодливо поинтересовался:

— И что же вы задумали, господин?

Ше Цзе задумчиво потёр подбородок. Вид у него в этот момент был самый разбойничий. Приоткрыв свои уста, он веско обронил:

— Призовём мертвецов!

Ше Цзе рассудил здраво: раз уж в этом году ему не вырваться в родные края, почему бы тайком не пригласить покойного батюшку и кузена погостить прямо здесь? Логика железная, обоснованная донельзя. Сам себя он мысленно хвалил за гениальность. К тому же он не

отличался жадностью и милостиво оставил старшего дядю, деда, основателя династии и прочих усопших предков своему младшему дяде — пусть тот возится с ними в родовом гнезде.

Цянь Цзя лишился дара речи.

— Не нужно так на меня смотреть, — Ше Цзе снисходительно махнул рукой. — Мой талант — от природы, тут уж ничего не поделаешь.

Что бы там ни думали окружающие, решение вернуть покойников в усадьбу обсуждению не подлежало.

Близнецы отродясь не имели дела с геомантией фэншуй, но привычка брать любые преграды штурмом брала своё. Какими бы суеверными трусами они ни прикидывались, в ратном труде им не было равных. Вскоре общими усилиями братьев и слуг из Четырёх ведомств и Шести служб в каком-то пыльном трактате по фольклору Цзянцзо действительно отыскалась древняя лазейка, позволяющая призвать усопших родственников в чужую усадьбу.

Просто блеск!

Согласно местному преданию, во время Чжунъюаня души делили на «недавних покойников» и «давних покойников». Почивший кузен Ше Цзе, император Вэнь-ди, ушедший в мир иной менее трёх лет назад, считался недавней потерей. Батюшка же наследника, который давным-давно вкушал блаженство в небесных чертогах, подпадал под категорию усопших со стажем.

Встречать те и другие души следовало в разное время, так что обряды приходилось разделять. Словом, тонкостей хватало. К счастью для Ше Цзе, в Великой Ци по случаю Чжунъюаня полагалось целых семь дней отдыха. Обрядовые хлопоты помогли ему разогнать скуку и занять праздные руки — лучшего развлечения и придумать нельзя было.

«Неудивительно, что все торговые лавки наследника Ше прогорели, — мысленно усмехнулся Цянь Цзя. — С таким праздным образом жизни разбогатеть можно только благодаря чуду. Ну или если пирог сам упадёт с неба прямо в рот».

Но тут же поправил себя: хотя погодите, в случае с наследником пирог действительно упал с неба. И угодил аккурат ему за щёку.

Ше Саньэр, прослышав об этих придирках, недовольно надулся и важно возразил:

— Главное ремесло нашего молодого господина — сладко есть, крепко пить да весело гулять. Быть знатным барином — это так, приработок. А приумножение богатств — всего лишь хобби. Пусть с последним у него дела обстоят, гм, не очень, зато в основном деле равных ему нет! Обойди хоть всю империю — кто из золотой молодёжи развлекается с таким размахом, изяществом и роскошью? Да по его похождениям можно учебник писать: «Искусство жить на

широкую ногу»!

«И чем тут прикажешь гордиться?» — мысленно качал головой Цянь Цзя.

В день, когда пришёл черёд встречать покойного кузена — вернее, приносить ему поминальные жертвы, — погода стояла чудесная: осеннее небо сияло хрустальной синевой, а лёгкий ветерок приносил приятную прохладу.

Ше Цзе облачился в простое белое платье свободного кроя, выказывая знак глубокой скорби. Близнецы бережно вынесли его во двор на носилках. Юноша уже мог делать несколько шагов самостоятельно, но лекари строго-настрого запретили ему утомляться. Поскольку обряд требовал долгих приготовлений у алтаря, рисковать здоровьем господина никто не решился.

Посреди двора его ждало кресло с высокой спинкой и изогнутыми поручнями, напоминающее формой чиновничью шапку. В ту пору мебель в Ци претерпевала изменения: старая привычка сидеть на циновках уступала место высоким сиденьям, но большинство стульев всё ещё оставались громоздкими и неудобными. Это же кресло благодаря удобной опоре под спину и руки подходило для неокрепшего тела Ше Цзе как нельзя лучше.

Цянь Цзя устроился по правую руку от господина, держа наготове ларец со снадобьями. Наконец-то ему представился случай без помех рассмотреть усадьбу. Удивительно, но, прожив здесь вместе со своим наставником без малого два месяца, он почти не видел внутренних покоев и садов.

Старый управляющий оберегал покой хозяина с поистине маниакальным рвением: посторонних не пускали дальше гостевого крыла, а здешние меры предосторожности мало уступали императорскому дворцу.

Лишь сегодня Цянь Цзя разглядел скрытую красу усадьбы. Просторный двор дышал размахом северных владений — горделивым, почти воинственным, однако за порогом скрывался утончённый сад в лучших традициях южных водных краёв. Извилистые крытые галереи змеились меж искусственных холмов и крошечных прудов, деля обширные земли на уединённые уголки. Здесь зеленели бамбуковые рощицы, высились усыпанные цветами сливовые террасы, а над самой водой качались резные беседки. Взгляд ласкали нагромождения замшелых камней, ручейки, весело журчащие под каменными мостиками, яшмовые балюстрады и причудливые деревца-бонсай. Каким бы несносным гулякой ни слыл хозяин поместья, его жилище дышало благородной простотой и гармонией с природой, словно свиток великого мастера, где каждый мазок исполнен глубокого смысла.

Сквозь кружевную тень старых крон изредка взмывали испуганные птицы. Вся эта картина казалась сошедшей с древнего холста.

Но Ше Цзе не замечал окружающих красот. Его взор был прикован к поминальному алтарю, устроенному на изящном столе из красного дерева. Тончайшая роспись с золотой каймой сплеталась в причудливый узор, но не портила строгого благородства, столь ценимого

мастерами Великой Ци. На столе чинно лежали подношения: курильницы, свечи, отборные плоды, сладости и самое главное — поминальная дощечка его кузена.

Табличку эту Ше Цзе заказал тайно. Дело пахло государственной изменой, но юноша твёрдо знал: кто бы ни восседал ныне на троне, тронуть его не посмеют. Он сделал это ради светлой памяти, без вычурных посмертных титулов, коими пестрили императорские гробницы. Пять простых иероглифов были вырезаны на дереве: «Старший брат Вэнь Шоуи». Без лишних прикрас, только суть.

Четверо близнецов, облачённые в просторные даосские ризы, встали по углам алтаря с ритуальными веерами и мечами в руках. Три дня они зазубривали нехитрые заклинания и теперь, зажмурив глаза, невнятно бормотали священные тексты. В клубах ароматного дыма, поднимавшегося из бронзовой курильницы, их неумелое действие выглядело на удивление благообразно, чинно и торжественно.

Вглядываясь сквозь сизый полумрак на дощечку, Ше Цзе позабыл обо всём на свете. Перед его мысленным взором предстал покойный государь — величественный, утончённый, не похожий ни на кого из смертных. Казалось, он вот-вот сойдёт со свитка ушедших лет, прямо как в детстве, когда по указу матушки-императрицы приезжал забрать маленького Ше Цзе во дворец. На губах его не было улыбки, но весь его облик светился неизбывной нежностью.

Вэнь-ди полностью оправдывал своё имя: скромный, добродетельный, истинный благородный муж. Он сочетал в себе сыновнее благочестие, выдающийся ум и редкое умение прислушиваться к мудрецам — идеальный правитель, сошедший со страниц древних канонов. Недаром после кончины его нарекли «Просвещённым». Единственным его изъяном было то, что небеса отмерили ему слишком короткий век.

На фоне нынешнего императора Шэнь-цзуна безвременно ушедший правитель казался подданным недостижимым идеалом, бередившим сердца тоской по золотому веку. Поэтому в день поминаения недавних усопших не один Ше Цзе взывал к его душе — скорбела вся империя.

В одном лишь Цзянцзо бесчисленные семьи тайно возжигали благовония в память о нём. Поскольку со дня кончины государя не прошло и трёх лет, люди относились к обряду с особым трепетом. Даже торговцы на ночных рынках закрывали лавки задолго до полуночи и спешили домой, чтобы почтить память любимого монарха.

И всё же Ше Цзе самонадеянно верил, что среди всех поминальных огней кузен выберет именно его скромную обитель. Ведь только Ше Цзе знал, чему тот радовался при жизни больше всего.

Вместо обычных бумажных денег юноша приказал сжечь свитки с искусными копиями древних манускриптов и редкими литографиями.

Для простого люда Вэнь-ди оставался величественным божеством, но Ше Цзе помнил его

совсем другим — мечтательным юношей, полным творческих порывов, которым не суждено было раскрыться под бременем власти. Кузен вечно ломал голову над забавными мелочами: то придумывал для тётушки диковинный титул, то отменял вековое правило табу на имена. Чтобы родственникам не приходилось менять свои имена из почтения к новому императору, он постановил: отныне каждый вступающий на трон владыка должен первым же делом переименовать самого себя.

— Куда проще сменить имя одному человеку, чем заставлять весь императорский род переписывать родословные, правда? — частенько посмеивался кузен, делясь своими мыслями с Ше Цзе.

— Главное, чтобы тебе это нравилось, — отмахивался тогда Ше Цзе. — Ты ведь у нас твёрдо решил стать образцовым правителем.

Увы, романтикам свойственна излишняя пылкость, и молодой император не избежал этой участи. Его юношеский пыл выразился не в пустяковом бунте против старших, а в предприятии куда более опасном — он лично возглавил военный поход против врагов.

Но небо немилосердно к праведникам. Из того похода государь так и не вернулся.

Улетел журавль в заоблачную даль, растаял его след в вышине, и больше кузен ни разу не явился Ше Цзе даже во сне.

Ше Цзе резко открыл глаза. Взгляд его прояснился, став чистым и глубоким, точно горный ручей.

«Уж лучше бы ты был скверным правителем, — подумал он с затаённой горечью. — Деспотом, трусом или распутником... Тогда ты хотя бы сидел сейчас живым-здоровым на своём золотом троне. И пускай бы тебя проклинали, пускай боялись, зато вся империя не оплакивала бы твою безвременную кончину, а вражеский правитель не бросал бы сквозь зубы надменное: "Какая жалость"».

Но мнения Ше Цзе никто не спрашивал. Судьбу кузена предрешили напыщенные книжники и велеречивые министры, воспитавшие из него идеального, безропотного святого на заклятие.

Вечером Ше Цзе вымолил у лекарей чарку вина сверх меры. Когда слуги вели его под руки в спальню, он всё ещё хмельно ворчал:

— Цену... Цену задеру до небес! Одеру этих напыщенных старцев как липку, ни одного не пощажу! А если кто вздумает вякать — валите всё на меня. Не раскошелятся — пусть катятся к чёрту! Слышите? Глаза бы мои их не видели! Видеть их не желаю! Вообще! Слышите?!

Старый управляющий и близнецы переглянулись с молчаливым пониманием. Они знали: после

гибели государя молодой хозяин должен был рано или поздно сорваться. Он крепился долгие месяцы, и теперь накопившаяся боль наконец прорвалась наружу очищающим гневом. Пускай уж лучше бесится и крушит всё кругом, чем исходит безмолвной тоской.

— Всё исполним, господин, — умиротворяюще закивал старый слуга. — Завтра же пошлю к ним людей.

— Обязательно взвинтим цены!

— Ободрать их до нитки!

— Пусть от страха штаны обмочат!

Ше Сяосы сказать было нечего, и он лишь молча погрозил кулаком невидимому неприятелю, подкрепляя общую решимость.

Укладывая хмельного юношу в постель, челядь наперебой сыпала заверениями, однако и слуги, и сам Ше Цзе в глубине души прекрасно понимали: безвременная кончина императора была незаживающей раной для всей Великой Ци. Но винить в этой трагедии было некого.

<http://bllate.org/book/19472/1953418>